

© Н. П. ЩУКИНА, 2020

Самарский государственный медицинский
университет (СамГМУ), Россия
E-mail: nina_shukina@mail.ru

ПАРАДОКСЫ ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье делается акцент на исследовании сложившихся практик школ подготовки осужденных к освобождению в одном из регионов страны, на исследовательском и нормативном контекстах этих практик. Постулируется, что уголовно-исполнительная система сегодня фактически не отвечает за то, что происходит с лицами, отбывшими уголовное наказание и освобожденными от него, поэтому относится к подготовке заключенных к освобождению формально. В официальном дискурсе декларируется необходимость научного подхода к подготовке осужденных к освобождению, использования индивидуального подхода и учета ресурсной базы самих осужденных в работе названных выше школ, и там же фактически наблюдается игнорирование такой необходимости. Декларируется необходимость «исправления поведения осужденных», и тут же речь идет об «исправлении осужденных». Но это — разные задачи, и вторая из них — нерешаемая. Все это проблематизирует ресоциализационный процесс на завершающей стадии отбывания осужденными уголовного наказания, с одной стороны, с другой — актуализирует значимость обращения исследователей к методологии рефлексивной социологии, к погружению исследователей в череду происходящих с осужденными «незначительных повседневных событий».

Ключевые слова: школа подготовки осужденных к освобождению, перевоспитание, исправление, «учительский подход», ресоциализация, реабилитация.

Толчком к написанию данной статьи послужил ряд обстоятельств, включая тот факт, что 2020 г. — год завершения реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в которой перед учреждениями и органами, исполняющими наказания, поставлена, в том числе, задача повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы [1]. Притчей во языцах остается положение о том, что пенитенциарная реформа не дает ожидаемых результатов, про-

блематизируя тем самым место и роль самих осужденных в процессе их ресоциализации. Констатируется положение о важности учета особенностей самих осужденных в организации их ресоциализации при наблюдаемом и сегодня в сложившихся практиках явном доминировании «учительского» подхода, связанного с навязыванием «учительского» видения исследуемой ситуации (скажем так, перефразируя несколько Д. Блэкклиджа и Б. Ханта [11]). И сегодня лицам, отбывающим уголовное наказание, в официальном дискурсе отводится роль «исправляемых», «перевоспитываемых», стигматизируемых тем самым лиц. Внимание исследователей сконцентрировано в конечном счете на вопросах наказания и исправления; причем исправление трактуется, по сути, как коммуникация с «*tabula rasa*», со своего рода пластилином, а не личностями как носителями разнообразных — не однозначных и однонаправленных — норм и ценностей.

Цель данной статьи — выявить проблемные аспекты, связанные с подготовкой осужденных к освобождению. В силу того, что в свое время был создан специальный институт, осуществляющий такую подготовку, в фокусе нашего внимания — именно его практики. Речь пойдет о школах подготовки осужденных к освобождению (далее — ШПОкО), посещение которых начинается не позднее чем за 6 месяцев до окончания срока лишения свободы [5]. При этом непосредственному анализу в данном тексте подлежат, с одной стороны, мнения осужденных о деятельности таких школ, с другой — официальная точка зрения по этому вопросу.

Эмпирическим материалом в данной статье являются результаты двух социологических исследований, проведенных с помощью грантов министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области по изучению социальных потребностей осужденных и бывших осужденных (2012-2013 гг., государственный контракт от 03.09.2012 г. № 34) и проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018 – 2021 гг.)», осуществленного с помощью фонда президентских грантов (договор о предоставлении гранта № 17-1-008568)¹.

Заметим, что тема парадоксов тюрьмы не нова как в социологическом, так и в юридическом дискурсах [8], но в данном случае она заявлена на уровне ШПОкО. Термин «парадокс» — это противо-

¹ Руководитель исследований — Н. П. Щукина, исполнители: Б. А. Никитина, И. А. Логинова, О. А. Адоевская и др.

речащее здравому смыслу умозаключение, расходящееся с общепринятым мнением. Оно может быть доказано и как истина, и как ложь.

В качестве методологических оснований рассмотрения заявленной темы воспользуемся интерпретативным подходом, весьма востребованным в социологии образования [11]. Подчеркнем, что тема взаимодействия осужденных с субъектами, их «воспитывающими» и «перевоспитывающими» в исправительных учреждениях (далее — ИУ), остается, по сути, вне внимания как исследователей, так и практиков ИУ. А результаты проводимых в ИУ исследований базируются на использовании количественного подхода с акцентом на навязывании «учительского видения» процесса взаимодействия осужденных с сотрудниками данных учреждений, включая начальников отрядов, воспитателей, специалистов служб социальной защиты. При этом нередко в фокусе внимания — как должно быть, а не как есть.

Такая точка зрения представлена и в официальном административном дискурсе, что нашло яркое отражение в ряде документов. Так, согласно одному из них, оказавшемуся в нашем распоряжении в ходе исследования 2017 г., представлены 22 методических рекомендации для сотрудников ИУ, 3 из которых непосредственно посвящены деятельности ШПОкО [7]. В документе говорится о целесообразности планирования тематики занятий в ШПОкО по направлениям правовой, социальной, медицинской подготовки и социально-психологической помощи [7, с. 137]. Рекомендуются и тематика занятий ШПОкО. Остановимся несколько на ней.

Если тема — это предмет разговора с осужденными, то возникает ряд вопросов касательно продуманности формулировки этих тем, которые должны быть значимыми не только для сотрудников ИУ, приглашаемых ими специалистами внешних организаций, но и для самих осужденных. Однако в случае с «Примерной тематикой занятий по социально-правовым вопросам с осужденными» в ШПОкО из 15 рекомендуемых тем 9 — это название федеральных законов (далее — ФЗ) и прочих нормативных актов. При этом в данном перечне представлена не только социально-правовая тематика, но и такие вопросы, как «социально-полезные связи осужденных», «социальная адаптация после освобождения» [7, с. 206]. В рассматриваемом нами аспекте представляется значимым и приложение № 4 «Примерная тематика занятий по социально-правовым вопросам с осужденными в отряде». Обращает на себя внимание не только его содержание, но и объем [7, с. 200-205]. В данном доку-

менте представлено уже 55 тем, формулировки которых во многом, как в случае с приложением № 5, являются собой название разного рода ФЗ и прочих нормативных актов. Более того, в данном приложении есть темы, формулировка каждой из которых размещена на нескольких листах документа, и суть которых сводима в одном случае — к перечислению целого ряда статей Уголовно-исполнительного кодекса, в другом — к перечислению правил внутреннего распорядка ИУ, выносимых на изучение. Но тогда (в случае принятия таких объемных формулировок тем занятий) невозможно вести «журналы проведения занятий», рекомендуемые в приложении № 1 «Образец журнала проведения занятий по социально-правовым вопросам с осужденными» [7, с. 197]. Более того, при формулировке тем занятий используются такие профессиональные термины, как «категории», «гендерный», «толерантный», «аддиктивное поведение». А такие формулировки, как «Алкоголизм — путь к преступлению», «Знакомство с культурно-историческими и этническими традициями российской семьи», «Формирование представления о семейных ценностях», фактически стигматизируют осужденных как больных алкоголизмом, не знающих традиций российской семьи, не имеющих представлений о семейных ценностях. В любом случае такие формулировки являются нарушением одного из базовых принципов социальной работы (а именно, специалисты служб социальной защиты ИУ и призваны курировать работу ШПОКО) о недопустимости навешивания ярлыков на получателей услуг: нельзя «бросать тень» на них. Наконец, в рекомендациях есть и такие недопустимые в многоконфессиональной стране формулировки тем занятий, как «Формирование осознанного и уважительного отношения к традиционной российской религии». Иными словами, имеет место непродуманный подход как к формулировкам тем занятий, проводимых с осужденными, так и к перечню приложений — документов, которые рекомендуется, но практически невозможно вести сотрудникам ИУ.

Проанализированная тематика занятий противоречит и рекомендациям авторов анализируемого документа о необходимости учета не только имеющихся ресурсов ИУ, «региона дислокации», «общественности», но и особенностей осужденных, с обозначением таких из них, как «пол, возраст и др.» [7, с. 137]. Иными словами, в одном месте документа — игнорирование интересов и / или возможностей осужденных, в другом — призыв к их учету. Более того, то, как обозначается перечень ресурсов осужденных — «пол, возраст и др.», позволяет предположить наличие у авторов анализи-

руемого текста дефицита знаний о ресурсах осужденных или постулировать недопустимость фактического игнорирования такого из них, как образование. В ситуации ведения во всех ИУ социальных паспортов осужденных такое положение дел нельзя не проблематизировать, поскольку, согласно этим документам, ведущимся в ИУ Самарской области, 25,1% осужденных имеет среднее образование, 23,4% – среднее специальное и незаконченное высшее образование, 8,2% – высшее образование, не имеют образования лишь 0,2% осужденных данных исправительных учреждений².

Таким образом, специалисты, работающие в ШПОКО, ставятся авторами анализируемого документа в сложное положение: с одной стороны, им предлагается отнестись к осужденным как к «*tabula rasa*», с другой, учитывая значимость индивидуального подхода [7, с. 133], актуализировать ресурсную базу осужденных с помощью занятий в ШПОКО. Более того, в анализируемом документе постулируется важность обращения к «научному сообществу» при организации работы ШПОКО. Однако такое обращение ограничивается определением таких ключевых понятий, как «индивидуальная социальная работа с осужденными» [7, с. 133] при полном игнорировании того факта, что в этой работе используется не только диагностическая модель.

Анализ названных выше рекомендаций, тематическая направленность рекомендуемых занятий в ШПОКО являются по своей сути навязыванием «учительского» видения ситуации подготовки осужденных к освобождению, а именно, перефразируя несколько Д. Блэкклиджа и Б. Ханта [11]: «учителя» действуют в рамках системы требований и ожиданий, спускаемых сверху, от более широких организаций. При этом данные требования оказываются весьма противоречивыми и тем самым трудно реализуемыми. О рисках такого подхода, связанного с ориентацией на специалиста, а не получателя его услуг, с нарушением этических принципов индивидуальности, ведет речь и Х. Нортен, замечая, что такие практики могут привести и к психическим заболеваниям, в нашем случае – лиц, отбывающих уголовное наказание [2, с. 288]. Такая постановка вопроса весьма актуальна уже в силу того, что в ИУ нередко встречаются осужденные с ослабленной психикой [8]. Таким образом, «учителя» ШПОКО обладают определенными «знаниями» и ожиданиями в отношении своих «учеников», в основе которых, судя по официальным

² Данные представлены на 2016 г.

административным текстам [7, с. 8, с. 137, с. 139, с. 158], — негативные стереотипы осужденных.

Согласно результатам исследований (проведенных исследовательской группой, возглавляемой автором статьи) в 2017 г. ШПОкО посещали 22,5% осужденных. Сходная ситуация наблюдалась и в 2013 г. Согласно плану работы ШПОкО, и в 2013 г, и в 2017 г. прослеживается явное доминирование лекционных занятий. Причем в 2017 г. наряду с сокращением количества занятий такая форма работы получает большее распространение. На нее приходится уже не половина, как раньше, а подавляющее большинство занятий. Так, в исправительной колонии № 5 из 15 занятий, запланированных на 2017 г., 12 — это лекции, а оставшиеся 3 — беседы. Если в 2013 г. в планах работы ШПОкО были представлены (в порядке убывания) тренинги, ролевые игры, «практические», «инструктивные» и «информационно-разъяснительные занятия», то в 2017 г. в планах работы такие формы занятий не представлены, хотя 3 из 12 лекций заявлены как «лекции, индивидуальные консультации». Что касается тематической направленности, то в ней доминируют направления работы, рекомендуемые документами ФСИН и Минюста России, проанализированные выше. Обращает на себя внимание высокий уровень удовлетворенности осужденных в 2017 г. работой ШПОкО — 77,2% опрошенных (включая 49,2% полностью удовлетворенных), что явилось неожиданным показателем для исследовательской группы. Вероятно, свою роль в данном случае сыграли условия проведения опроса и существенное сокращение занятий от 40-50 в 2013 г. до 15 в 2017 г. В 2017 г. работниками ИУ дается более высокая оценка активности и работе приглашаемых в ШПОкО специалистов. Тем не менее, большинство занятий в ШПОкО проводятся работниками внутренней службы.

Резюмируя сказанное касательно тематической направленности проводимых в ШПОкО занятий, можно отметить значимость корректировки тем занятий с учетом приоритетов самих осужденных и с использованием терминов, им понятных. Данное мнение нашло отражение и в рассуждениях сотрудников исследуемых организаций. Например, заместитель начальника исправительной колонии считает: «Что бы изменить?... Мне кажется... необходимо готовить осужденных именно к тому, что они столкнутся не только с такими трудностями, которые мы пытаемся..., там с трудоустройством. А вот с бытовыми трудностями, в жизни ситуации другая... Здесь их кормят, одевают...» (2013 г.). Иными словами, респондент

обращает внимание на недостаточную продуманность занятий, на необходимость большего учета не сложившихся стереотипов администрации ИУ касательно проблем, с которыми столкнутся осужденные при освобождении их от уголовного наказания, а на знание реальных потребностей, «бытовых трудностей» этих лиц.

Другие специалисты ИУ оценивают организацию работы ШПОкО достаточно противоречиво. С одной стороны, положительно: «...хорошие взаимодействия, все идет навстречу, приезжают в школу освобождения...» (старший специалист группы социальной защиты исправительной колонии, 2013 г.); «...я считаю, что те элементы, которые мы предпринимаем, они являются действительными, да... Я думаю, то, что мы делаем, все правильно» (заместитель начальника исправительной колонии, 2013 г.). С другой стороны, эти же специалисты дают следующие умозаключения: «Но почему результаты не происходят? Потому что все зависит от личности человека... желает ли он после освобождения какие-то предпринимать усилия...» (старший специалист группы социальной защиты исправительной колонии, 2013 г.), «Никто не хочет приходить в колонию (из приглашаемых специалистов для проведения занятий в ШПОкО — ред. автора статьи), считается, что здесь убийцы, насильники» (заместитель начальника исправительной колонии, 2013 г.). Ответственность за результаты работы ШПОкО фактически возлагаются на самого осужденного, а также на внешнюю среду, которая не готова к продуктивному взаимодействию с исправительной колонией.

Такая же особенность характерна и для позиции специалистов ИУ, опрошенных в исследовании 2017 г.: основным фактором, тормозящим ресоциализационный процесс в целом, названо отсутствие «внятной» государственной политики в области адаптации осужденных и бывших осужденных. Вместе с тем при опросе и специалисты, и осужденные затрагивают проблему мотивации самих осужденных, «веры в них». Например, в 2013 г. один из специалистов по социальной работе группы социальной защиты предположил: «если человек находится в положительном моменте, он не будет думать об отрицательных и не будет совершать вновь какие-либо преступления», а при опросе в 2017 г. в ответах заключенных говорится и о том, что далеко не у всех осужденных «крыша поехала», «голова на плечах» имеется.

В исследовании 2017 г. (в связи с ситуацией, связанной с «проблемным уровнем» удовлетворенности качеством заполнения анкет осужденными, которые находились во время опроса «под при-

смотром» сотрудников ИУ) опрошены были и бывшие осужденные, проживающие в одном из спецпансионатов региона. Из 194 человек на момент опроса 83 — были лицами, отбывшими уголовное наказание. В силу специфики качественного состава клиентов данной организации и памяти о том, что объектами наших предыдущих исследований были мужские колонии, а также с учетом того, что посещают ШПОкО далеко не все осужденные, с помощью целевой выборки было опрошено 15 человек из 83, имеющих опыт обучения в ШПОкО. Особо значимыми для данного исследования стали ответы на 2 открытых вопроса: о темах, которые респонденты обязательно бы включили, и темах, которые бы не включили в программу ШПОкО. В первом случае лидирующие позиции заняли такие темы, как: «Пенсии», «Пособия», «Выплаты» и «Интернет», с небольшим отрывом от них идут «Права человека», с отрывом — «Трудоустройство», и единичные мнения высказаны по таким темам, как «Знакомства», «Лечебная физкультура». Во втором случае респонденты вели речь о недопустимости включения в программу ШПОкО следующих тем (также в порядке убывания): «Вредные привычки», «Нравоучения, уроки морали, нравственные уроки», «Труд». Сказанное подтверждает наши интерпретации тематической направленности ШПОкО, изложенной в проанализированных выше документах официального административного дискурса.

Двигаясь в направлении завершения заявленной в названии статьи темы, обратимся к более широкому ее исследовательскому контексту, как своего рода рамке исследуемой темы — аналитическому обзору современных ресоциализационных практик в местах лишения свободы России [8]. Тема ШПОкО здесь непосредственно не заявлена, однако данный текст символизирует, на наш взгляд, особенности исследований ресоциализационного процесса в ИУ в целом, влияющие на организацию работы ШПОкО. С одной стороны, в данном обзоре представлены весьма актуальные статистические данные о кадровом дефиците, о ключевых проблемах в организации ресоциализационного процесса в ИУ и т.п. Вместе с тем считаем, что методологическая часть доклада прописана недостаточно четко [6, с. 2]. Остается неясным, какой тип интервью использовался при составлении этого обзора, почему сведения об образовательном уровне осужденных даны на 2009 г. [6, с. 20]. И главное в рассматриваемом нами аспекте — в обзоре не обосновано фактическое отождествление понятий ресоциализации и реадaptации, которые в нормативном контексте, однако, четко разведены [3, ст.25, 26].

Завершая рассмотрение исследовательского контекста подготовки осужденных в ШПОкО, обратимся к ежегодно публикуемому перечню и аннотациям результатов исследований, выполненных в соответствии с Комплексным планом научного обеспечения деятельности ФСИН России [4]. Согласно данному документу, датированному 2018 г., на тематику социальной, психологической и воспитательной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы приходится 8,3% НИР, завершенных сотрудниками НИИ и образовательных организаций ФСИН России в 2017 г., из которых почти треть (26,7%) — это методические и практические рекомендации [4, с. 31-51]. В свою очередь, среди этих исследований — учебные пособия, словари. 4 проведенных в этот период мониторинговых исследования базируются на «статистических данных», «сведениях территориальных органов ФСИН России». При этом лишь в одном из отчетов по теме «Организация воспитательной работы с осужденными» не просто перечисляются используемые его авторами методы исследования, но и дается их классификация: «всеобщий — диалектический; общие — анализ, монографический; частнонаучный — формально-юридический анализ; специальные — документальный, экспертных оценок, наблюдение» [4, с. 39]. Иными словами, согласно данному документу, тема ШПОкО не ставится как самостоятельная. Другая особенность, представляющаяся важной в рассматриваемом нами аспекте, заключается в описательном характере целого ряда работ, с акцентом на том, как должно быть, а не на теоретико-методологических основаниях и обоснованиях разрабатываемых «методических» и «практических рекомендаций», активно представленных в научных отчетах по теме «Организация воспитательной работы с осужденными». Разумеется, судить об особенностях исследований лишь по их названиям и аннотациям весьма проблематично, тем не менее, такие работы можно рассматривать как один из контекстов исследуемой темы, актуализирующий тему теоретико-методологических оснований проводимых исследований и организации работы институтов «исправления» осужденных, включая ШПОкО.

Резюмируя сказанное выше касательно деятельности ШПОкО, подчеркнем, что в данной статье автор лишь проблематизировал тему парадоксов как в организации деятельности этих школ, так и ее исследовательского и нормативного контекстов. Вне авторского внимания оказался целый ряд вопросов, включая возрастной, образовательный статусы, криминальный портрет осужденных, оценки, даваемые ими тематической направленности занятий в ШПОкО и качеству их ведения, ряд других вопросов, рассмотренных ранее [9, 10].

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-Р). URL: <https://base.garant.ru/1357449/>.
2. Нортен Х. Социальный диагноз // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. / пер. с англ. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. Т. 3. С. 286-292.
3. Федеральный закон РФ от 23.06.16 г. № 182-ФЗ (с посл. изм. и доп.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/.
4. Основные результаты научных исследований за 2017 год. Аннотированный информационный бюллетень / сост. Д. А. Красов, Н. В. Донскова, А. Б. Назарова, Г. Ю. Чайковский. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. Вып. 15.
5. Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112196/.
6. Рунова К. Ресоциализация в местах лишения свободы. Аналитический обзор. М.: Институт проблем правоприменения Европейского университета, 2018. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/06/Resocializaciya_in_Russia_Internet-kopiya.pdf.
7. Сборник методических рекомендаций. М.: ФСИН России, 2018. URL: <http://фсин.рф/anticorrupt2014/metodicheskie-materialy/>.
8. Хохлаков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. Проблемы дискуссии, предложения. М.: Юридическая литература, 1991.
9. Щукина Н. П., Никитина Б. А. Роль ресурсов человеческого и социального капитала в ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 100-110.
10. Щукина Н. П., Никитина Б. А. Социологический анализ сложившихся практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. д. ю. н., проф. Т. В. Кленовой. М.: Юрлитформ, 2019. С. 174-198.
11. Blackledge D., Hunt B. Micro Interpretive Approaches: Some Studies of Teachers and Pupils // Sociological Interpretations of Education. 1985. PP. 249-289.

*Статья поступила в редакцию 20.01.20 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*